

КОНЦЕПТ СИНЕГО ЦВЕТА В ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

С. И. Григорук

Львовский национальный университет им. И. Франко

В статье проанализированы особенности реализации концепта синего цвета в поэзии Георгия Иванова. Рассмотрена его роль в моделировании индивидуально-авторской поэтической картины мира, включение в культурологические оппозиции «верх – низ», «небесное – земное», «день – ночь», «вечное – преходящее» и др. На основании анализа контекстуальной сочетаемости лексем, обозначающих синий цвет, установлены ассоциативные связи указанного концепта с другими культурными концептами, которые в совокупности образуют его содержание. Раскрыты актуализированные в поэзии Г.Иванова типичные для носителей русского языка и культуры концептуальные смыслы цветовых слов и их индивидуально-авторские трансформации.

Ключевые слова: концепт синего цвета, цветообозначение, поэтическая картина мира, ассоциативная связь

У статті проаналізовано особливості реалізації концепту синього кольору в поезії Георгія Іванова. Розглянуто його роль у моделюванні індивідуально-авторської поетичної картини світу, входження до культурологічних опозицій «верх – низ», «небесне – земне», «день – ніч», «вічне – плінне» та ін. На підставі аналізу контекстуальної сполучуваності лексем, що позначають синій колір, встановлено асоціативні зв'язки зазначеного концепту з іншими культурними концептами, які у сукупності становлять його зміст. Розкрито актуалізовані в поезії Г.Іванова типові для носіїв російської мови та культури концептуальні смисли назв кольору та їх індивідуально-авторські трансформації.

Ключові слова: концепт синього кольору, кольоропозначення, поетична картина світу, асоціативний зв'язок

The article focuses on the peculiarities of blue color concept realization in the poetry of Georgiy Ivanov. His modeling of the individual and spiritual poetic map is analyzed within the oppositions “top – bottom”, “skyeu – mundane”, “everlasting – unstable” etc. The associative references of the concept to the other cultural concepts of its construction are being established on the basis of the analysis of contextually combinable lexemes to designate blue color. Actualized conceptual meanings of color terms and their personal understanding by G.Ivanov's poetry are stressed as the usual conceptual items for Russian native speakers as well as for the Russian culture. The author also unveils their individual transformations of their meanings.

Key-words: the concept of blue color, color designation, the poetic map of the universe, associative reference

В формировании поэтической картины мира одна из ключевых ролей отводится цветообозначениям. Как указывал М.Я.Поляков, «в лирическом произведении средствами воплощения концепции действительности становятся пространство, время и цвет» [9, с.43]. Названия цветов реализуют в поэзии как прямые, так и переносные метафорические и символические значения, претерпевают усложнения семантики, участвуя в создании не только фактуального, но и концептуального содержания поэтических текстов.

За пятидесятилетнюю историю изучения цветообозначающей лексики сформировалось множество подходов к ее рассмотрению. В последние годы исследовательские акценты сместились в сторону проблем когнитивной семантики, этнолингвистики, лингвокультурологии, в связи с этим плодотворным становится изучение цветообозначений с позиций концептуального анализа. Как указывает В.Г.Кульпина, «результативным оказалось изучение колористики в актуальных для современной науки аспектах, которые придают ведущее значение вопросам концептуализации, категоризации, ментализации человеческой мыслительной деятельности» [7, с.24]. Методика осуществления концептуального анализа выработана в трудах Е.С.Кубряковой, С.Е.Никитиной и других ученых [6; 8], применительно к исследованию лирических текстов ее уточнила Л.Н.Синельникова [10, с.98-131]. Концептуальный анализ предполагает выявление когнитивных структур, стоящих за языковым значением, культурно обусловленных представлений о мире, хранящихся в обыденном сознании и получающих выражение в языке, особенно в его творческих проявлениях, к каковым относится язык поэзии. Анализ такого типа основывается на рассмотрении сочетаемости слов, особенно метафорической, которая является реализацией глубинных ассоциативных связей обозначаемых ими концептов. По определению Е.С.Кубряковой, концептуальный анализ предстает как «поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры» [6, с.85].

Предметом рассмотрения в данной статье избраны особенности реализации концепта синего цвета в творчестве одного из талантливейших поэтов первой волны русской эмиграции – Георгия Иванова. Активное употребление цветообозначающей лексики является одной из характерных черт индивидуальности автора, который не получил еще должного освещения. Внимание поэта к вещным деталям, цвету объясняется как художественными установками, так и, вероятно, средой его формирования. Г.Иванова с детства «окружала

живописная природа и произведения искусства (в доме находились подлинные картины Ватто, Гогена и других художников)» [1, с.228]. Это не могло не сказаться на формировании чувства прекрасного, обостренного цветового зрения.

Концепт синего цвета предстает в творчестве поэта объемным, является одной из доминант авторского мировидения, выполняя важную роль в моделировании индивидуально-поэтической картины мира. Он обозначается лексемами *синий*, *голубой* и их дериватами, а также *лазурный*, *аметистовый*, *сапфировый*, *яхонт*. Концепт синего цвета включается в формирование характерных для творчества Г.Иванова культурологических оппозиций, восходящих к архетипам: «верх – низ», «небесное – земное», «день – ночь», «вечное – преходящее» и др. Поэтический мир автора построен на дихотомиях. Г.Иванову, по его собственным словам, был присущ «*талант двойного зренья*» [здесь и далее цитируем по: 5].

Цветообозначения включаются во временные и пространственные координаты поэтического мира автора. Концептуальное содержание цветковых слов, как указывает А.Вежбицкая, задается связью с прототипами – типичными носителями цвета. Для синего цвета в качестве такого универсального прототипа принимается небо [2, с.257]. Это подтверждают материалы ассоциативных экспериментов. По наблюдениям А.А.Залевской, первой по частотности реакцией на слово-стимул *синий* у носителей русского, английского и других европейских языков является *небо* [4, с.35]. Ассоциации с небом порождают представление о безбрежности, бесконечности, обуславливают связь синего цвета с концептами *простор*, *даль*, *глубина*. Эти смыслы актуализированы в поэтических текстах Г.Иванова в метафорических сочетаниях цветковых слов с абстрактными именами, обозначающими временные и пространственные промежутки.

Пространственные ориентиры – небо, край земли, линия горизонта обозначены у поэта лексемой *синий*: «*О, все это было когда-то – Над синими даями русских лесов В торжественной грусти заката*», «*И особенно синяя (С первым боем часов...) Безнадежная линия Бесконечных лесов*». Концепт *даль* является одним из наиболее характерных для носителей русской культуры, что объясняется типичными для России бескрайними просторами, созерцание которых порождает чувство тоски и безысходности.

Связанное с синим цветом представление о дальности, огромном пространстве, разделяющем людей, ведет к обогащению слова-концепта *синий* индивидуально-авторским смыслом «разобщенность, разлука»: «*Все равно – не протягивай руки, Все равно – ничего не спасти. Только синие волны разлуки, Только синее слово «прости»*».

Идея о просторе, воплощенная в концепте синего цвета, связывается у поэта с представлением о свободе: «*И нет ни России, ни мира, И нет ни любви, ни обид – По синему царству эфира Свободное сердце летит*».

Лексема *синий* употребляется поэтом в поэтических описаниях рассвета и заката, при этом такие контексты отличаются преимущественно позитивной экспрессией. Романтические картины гармоничного мира особенно характерны для раннего творчества Г.Иванова: «*Был синий рассвет, Так блаженно спалось, Так сладко дышалось*», «*На синий, синий, синий Младенческий рассвет*», «*В звезды и музыку день превратился. Может быть, мир навсегда прекратился? Что-то похожее было со мною, Тоже у озера, тоже весной, В синих и розовых сумерках тоже*».

Чаще слово *синий* характеризует у поэта закат – время, когда все засыпает и успокаивается: «*Все было синие. Роца вечерела*», «*В небе над дымными долами Вечер растаял давно, Тихо закатное польмя Пало на синее дно*». Лирический герой Г.Иванова стремится «*отдаться сладостно вполне душою смутной Заката блеклого гармонии минутной*», ему близки «*меланхолические вечера, Когда прозрачны краски увяданья*». Такие употребления демонстрируют ассоциативную связь концепта синего цвета с концептами *покой*, *тишина*: «*Синий вечер, тихий вечер И (целая руки эти) В небе розовом до края, догорая, умирая...Тихо кануть в сумрак томный*». Синий цвет воспринимается как «наиболее спокойный и в наименьшей степени «материальный» из всех цветов» [11, с.334]. Такое представление о цвете возникает благодаря синестезийным механизмам восприятия.

Лексема *синий* характеризует у поэта также ночное звездное небо и сами звезды. Эти контексты выявляют позитивную эмоциональную направленность: «*Сходила ночь, блаженна и легка, И сумрак золотой сгущался в синий*», «*Я видел звезды на синем шелку, И полумесяц. А сердце все глуше, Все реже стучало, забывая тоску*».

Концепт *синий* связывается в поэтическом воображении Г.Иванова с весной, временем надежды и обновления: «*О, высок, весна, высок твой синий терем*», «*Это только синий ладан, Это только сон во сне... Это то, что в мире этом Называется весной, Тишиной, прохладным светом Над прохладной глубиной...*», «*Дул влажный ветер весенний, Тускнела закатная синева*», «*А ночь весенняя – бледна... И видеть небо, что сквозит То синевой, то серебром*». В рассматриваемых примерах позитивные эмоционально-оценочные коннотации лексем *синий*, *синева* актуализируются в контекстуальном сближении с цветообозначениями *розовый*, *золотой*, *серебро*.

В концептуальном содержании слова *синий* присутствует признак «холодный», возникающий вследствие синестезийных механизмов. Синий цвет психологи относят к холодной цветовой гамме. Эти представления о синем актуализированы в поэзии Г.Иванова: «*Поблекшим золотом, Холодной синевой Осенний вечер светит над Невой*», «*Только звезды. Только синий воздух, Синий, вечный, ледяной. Синий, грозный, сине-звездный Над тобой и надо мной*», «*Все другое – только музыка, Отраженье, колдовство – Или синее, холодное, Бесконечное, бесплодное Мировое торжество*».

В одном из контекстов концепт *синий* через ассоциации с холодностью не только физической, но и духовной создает атмосферу враждебности, царящей в постреволюционной России: «Холодно... В сумерках этой страны Гибнут друзья, торжествуют враги... **Синие сумерки** этой страны... Всюду, куда ни посмотришь, – снега». В рассматриваемом примере слово *синий* отличается двуплановостью семантики, совмещая прямое цветковое и метафорическое значения.

Через образ мирового пространства концепт синего цвета соотносится с вневременным – вечностью: «От **синих звезд**, которым дела нет До глаз, на них глядящих с упованьем, От вечных звезд – ложится **синий свет** Над сумрачным земным существованьем», «И холодна ты, как вечный покой, Слово за словом, строка за строкой, Капля за каплей – кровь и вода – В **синюю вечность** твою навсегда». Символика такого рода характерна не только для русской, но и других культур [см.: 11, с.334]. Представление о вечности, покое порождает ассоциацию с пустотой: «Край земли. За **синим краем** Вечности пустая гладь».

Недостижимый синий цвет маяка в образно-поэтическом мышлении Г.Иванова связывается с печалью: «**Синей розой, печальной звездой** Погибающим светит маяк».

Синий цвет характеризует у поэта иной, потусторонний мир: «Легкие лодки отчалили в **синюю даль** навсегда». Он связан с концептом души: «Это только звезды над пустынным садом, Только **синий свет** твоей души». Здесь проявляется сакральная символика синего цвета, которая представлена в христианстве, в частности Деву Марию и Христа часто изображают одетыми в синее [11, с.334].

Синий цвет холодного, непознанного мирового пространства у Г.Иванова ассоциативно связывается со счастьем: «Поглядим, и вдруг похолодеет Сердце неизвестно отчего, Из **пространства синего** повеет Холодом и счастьем в него». В образно-поэтическом мировосприятии автора мерцающий синий цвет звездного неба – символ недолговечного счастья: «В сумраке счастья неверного Смутно горит торжество. Нет ничего достоверного В **синем сиянии** его. В пропасти холода нежного Нет ничего неизбежного, Вечного нет ничего». Символизация синим цветом счастья прослеживается в начале XX века в западноевропейской литературе. Вспомним синюю птицу счастья бельгийского драматурга М.Метерлинка.

Светло-синий оттенок в поэтических текстах Г.Иванова передается цветообозначением *голубой*. Лексемы *синий* и *голубой* выявляют как общие, так и отличные референциальные связи и коннотативные смыслы. В качестве прототипа голубого цветового оттенка также принимается небо: «И солнечные зайчики смеются На чайнике, как небо голубом». Голубой цвет по своему психофизиологическому влиянию на человека воспринимается как нежный, приятный, идиллический. Коннотативные семы с положительной эмоциональной оценочностью лексема *голубой*, как и слово *синий*, реализует в поэтических описаниях вечера. Для романтических пейзажей избираются пастельные краски акварели: «Пусть **голубеют** вечера, вздыхают легкие свирели, Пусть колыхаются листья под розоватою луной, И воскресает этот мир, как на поблекшей акварели, Запечатлел его поэт и живописец крепостной...», «**Голубеет** лес, чернеет мост, Вечер тих и полон звезд... И кому страшна о смерти весть, Та, что в этой нежности есть?».

Позитивную оценочную семантику цветообозначения *голубой* подчеркивает контекстуальное сближение с лексемами *розовый*, *белый*: «Облако свернулось клубком, Катится блаженный клубок, И за **голубым голубком Розовый** летит голубок. Это угасает эфир!», «И опять, в романтическом Летнем саду, В **голубой белизне** петербургского мая, По пустынным аллеям неслышно пройду, Драгоценные плечи твои обнимаю...».

Однако и в романтических картинах проявляется дихотомичность мировосприятия Г.Иванова, в частности ощущение красоты, гармонии и одновременно бессмысленности жизни: «**Голубая яблоня** под кружевом моста Под прозрачно призрачной верленовской луной – Миллионнолетняя земная красота, Вечная бессмыслица – она опять со мной».

Представление о голубом цвете как нежном, идиллическом трансформируется в поэзии Г.Иванова в ироническое: «И **голубые комсомолочки**, Визжа, купаются в Крыму».

Как и лексема *синий*, цветообозначение *голубой* выявляет связь обозначаемого ею концепта с представлением о тишине, покое: «Тишины всемирной **Голубая тьма**... Никогда так мирны Не были дома».

В поэзии Г.Иванова голубой цвет становится метафорой рая: «Каждый камень, каждая былинка... Произносят странные слова – Скоро, скоро, к **голубому раю** Лебедями полетим...», «Будет в раю – **рай** совсем **голубой** – Ждать так прохладно, блаженно-беспечно». Это традиционное представление о голубом цвете, в христианстве он связывается с мировой душой, с духовной сутью мира [см.: 12, с.273].

Для слова *голубой*, в отличие от цветообозначения *синий*, в поэзии Г.Иванова характерна референциальная соотнесенность с морем, которое выступает как идеализируемый объект: «Сейчас по **голубой пустыне**, Поэт, для одного тебя, Прочтится отрок на дельфине, В рожок серебряный трубя». У поэта рождаются синестезийные образы: «Только колыханье синеватых бус, Только поцелуя солоноватый вкус. И шумело только о любви моей **Голубое море**, словно соловей».

Голубизна средиземноморской природы связывается в поэтическом сознании Г.Иванова с мыслью о далеком счастье: «Для чего этот легкий торжественный воздух **Голубой** средиземной зимы Обещает, что где-то – быть может, на звездах – Будем счастливы мы». Вместе с тем в поэтическом мире Г.Иванова красота, гармония, счастье и страдание, горе нераздельны: «В **голубом дыхании моря**, В ледяных стаканах пива... Пена счастья – волны горя», «В лучах расцвета-увяданья, В узоре пены и плюща Сияет вечное страданье, Крылами чаек трепещая».

Лексема *голубой* вовлекается поэтом в оппозицию «свой – чужой». Голубой цвет как знак прекрасного при описании красот чужих земель становится чуждым автору: «*Голубизна чужого моря, Блаженный вздох весны чужой Для нас скорей эмблема горя, Чем символ прелести земной*». Эти строки – показатель трагического мироощущения, характеризующего позднюю лирику Г.Иванова эмигрантского периода, осознание поэтом трагедии изгнанничества: «*И совсем я не здесь, Не на юге, а в северной царской столице. Там остался я жить, Настоящий я – весь, Эмигрантская быль мне всего только снится – И Берлин, и Париж, и постылая Ницца*».

Голубой цвет безграничного мирового пространства связывается в поэтическом воображении Г.Иванова с мыслью об одиночестве человека во Вселенной: «*На границе снега и таянья... Голубая ночь одиночества... – На осколки жизнь разбивается*». Он также характеризует бездну, дно, становится знаком разрыва связей: «*Дохнула бездна голубая, Меж «тем» и «этим» – рвется связь*».

Самый чистый, ясный оттенок синего цвета обозначен в поэзии Г.Иванова лексемой лазурный. Она реализует только позитивные коннотативные смыслы, передает яркие краски южной природы: «С неизбежным не споря (Волноваться смешно), У лазурного моря Допивайте вино!», «Закат в полнеба занесен, Уходит в пурпур и виссон Лазурно-кружевная Ницца»,

Метафорически выражают синий цвет в лирике Г.Иванова лексемы *аметистовый* и *сапфировый*, которые образованы от названий драгоценных камней красивых цветовых оттенков. Данные слова употребляются поэтом для характеристики ярких, экзотических пейзажей Юга и Востока: «*На юге Франции прекрасны Альпийский холод, нежный зной. Шитит суглинок желто-красный Под аметистовой волной*», «*Меня влечет обратно в край Гафиза, Там зеленел моей Гюльнаны взор, И полночи сапфировая риза Над нами раскрывалась, как шатер*». В последнем примере, в частности, проявилось стремление Г.Иванова к стилизации под восточную поэзию, для которой характерны цветовые метафоры, восходящие к названиям драгоценных камней. По словам Г.Гачева, «*ислам – это космос драгоценного камня*» [3, с.368].

С сакральным началом связано в поэзии Г.Иванова употребление лексемы *яхонт* в функции цветообозначения. Она создает образ Бога, воплощает его вечность и нетленность: «*А небо лучезарнее, чем рай, И яхонтами на подоле Бога Сквозь дым сияет горизонта край*». Показательно, что в Священном Писании синий цвет метафорически передают именно названия драгоценных камней – аметиста, сапфира и др.

Таким образом, в поэзии Г.Иванова получают актуализацию как общекультурные, типичные для носителей русского языка компоненты концептуального содержания лексем, обозначающих синий цвет, так и индивидуально-авторские смыслы, обусловленные своеобразием мировосприятия поэта.

Литература:

1. Агеносов В.В. «Мне исковеркала жизнь талант двойного зренья...»: Г.Иванов //Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996). – М.: Terra. Спорт, 1998. – 543 с.
2. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия //Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М.: Русские словари, 1997. – С.231-290.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Изд. группа «Прогресс»: «Культура», 1995. – 460 с.
4. Залевская А.А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов //Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С.34-48.
5. Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. – М.: Книга, 1989. – 574 с.
6. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* //Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С.85-91.
7. Кульпина В.Г. Теоретические аспекты лингвистики цвета как научного направления сопоставительного языкознания: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – М., 2002. – 31 с.
8. Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре //Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С.117-123.
9. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М.: Сов. писатель, 1986. – 480 с.
10. Синельникова Л.Н. Лирический сюжет в языковых характеристиках. – Луганск: Ред.-изд. отдел облуправления по печати, 1993. – 118 с.
11. Тресиддер Дж. Словарь символов. – М.: Terra, 1999. – 448 с.
12. Флоренский П. Небесные знамения (размышления о символике цветов) //Человек: образ и сущность. – М., 1990. – № 1. – С.268-278.